

ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ОКТАБРЬ 2016 г. • № 10 (240) **ЦЕНА ДОГОВОРНАЯ**
Издаётся редакцией и Союзом писателей России

Владимир БОНДАРЕНКО

НОБЕЛЬ СЕРГЕЯ ПЕТРОВА

Вы не поверите, но Нобелевскую премию по литературе за 2016 год и впрямь присудили Сергею Петрову. Боба Дилана давно уже нет, и его нынешний псевдоним именно Сергей Петров. Наверняка под старость, а Сергею уже 75 лет, вспомнил он о своей родине из России. Вот в память о российском прошлом ностальгирующий Дилан и стал Сергеем Петровым.

Настоящее имя Боба-Сергея Роберт Аллен Циммерман, родился он 24 мая 1941 года в городке Дулуте (штат Миннесота) в семье мелкого торговца. Родители музыканта Абрахам Циммерман и Беатриса Стоун активно участвовали в жизни небольшой местной еврейской общины. Его предки – евреи, выходцы из Российской империи: дедушка и бабушка по линии отца, Зигман и Анна Циммерман, уехали в США из Одессы в связи с еврейскими погромами 1905 года. Дедушка и бабушка по материнской линии – Бенямин и Либа Эдельштейн (позже Штейн и Стоун) – были литовскими евреями, эмигрировавшими из России в 1902 году. Да и сам певец на протяжении последних 20 лет является последователем движения Хабад. Еврейские службы новостей сообщали, что Дилан несколько раз посещал различные хабадские синагоги во время иудейских праздников. Например, 22 сентября 2007 года на Иом-Киппур он посетил Congregation Beth Tefillah в Атланте и был вызван к Торе в шестой алии...

Недовольные выборами нового Нобелевского лауреата уже шутят, к примеру, еврейский блогер Виктор Леви-тан написал: "Я конечно понимаю, что Боб Дилан еврей, но должны же быть ещё какие-то критерии у Нобелевского комитета..."

Вот я и допускаю, что Нобеля музыканту дали за его русский псевдоним – Сергей Петров.

Тем более именно под русским псевдонимом "Сергей Петров" рок-певец написал свой литературный сценарий к фильму "Шоу века" (2003)... Не за бесчисленные же рок-альбомы?

И американцы будут рады за своего очередного Нобелевского лауреата (а их уже в США 314, с Бобом Диланом будет 315), и русские поражаются за своего Сергея Петрова, жаль только дедушкина Одесса осталась за бортом России. На эту тему шутят уже украинские блогеры. К примеру, Вадим Назаренко из Киева написал: "Зараз, мабуть, ночнуть писати, що предки Боба Дилана із України (Алексівчии також в українці записали). А чи загадають, дідуся і бабуся Боба поїхали до США, щоб врятуватися від єврейських погромів?".

Так что и евреи рады, и русские, и украинцы, и американцы. Только причём здесь сама литература, к которой наш Сергей Петров, а уж тем более их Боб Дилан не имеют никакого прямого отношения?

У Дилана уже была "околотитературная" премия. В 2008 году ему присудили Пулитцеровскую премию "за выдающееся влияние на популярную музыку и американскую культуру, отмеченное лирическими композициями исключительной поэтической силы".

Нобелевская премия вручена Бобу Дилану с формулировкой "За создание новой поэтической выразительности в рамках американской песенной традиции". Почему бы на таких же основаниях не дать Нобеля нашим Егору Летову, Борису Гребенщикову, Пауку, да хотя бы тому же Макаревичу? Одна из наших русских знаменитых рок-певцов Умка признавалась: "Боб Дилан – великий чувак и замечательный автор, но, признаться, вне пения, вне надтреснутого его голоса и более или менее музыкального сопровождения лично мне его тексты не катят. Хотя люблю чрезвычайно и считаю одним из главных своих (и не только своих, конечно) учителей".

Никто же не отрицает, что Боб Дилан – культовая фигура в рок-музыке, один из самых значимых и популярных музыкантов современности. Некоторые его композиции использовали в США участники движений за гражданские права, к примеру, такие песни, как *Blowin in the Wind* и *The Times They Are a-Changin*. Именно за свои

музыкальные композиции Боб Дилан стал заслуженно девятикратным обладателем премии "Грэмми". В 2000 и 2001 году он удостоился "Оскара" и "Золотого глобуса" за саундтрек к фильму "Wonder Boys". Никто и не спорит. Но зачем ему ещё нужен Нобель по литературе? Да и ему ли? И славы, и денег у певца хватает. К тому же, он и неплохой художник. Может, пора в Эрмитаж?

Но эта всё большая размытость в литературном Нобеле предполагает, что скоро мы дождёмся нобелевского лауреата за удачный саундтрек к фильму или спектаклю, за озорные куплеты, или же за блогерство. Конечно, сама литература во всём современном мире где-то на обочине. И потому не досталась Нобелевская премия никому из ожидаемых в литературном мире кандидатов, ни американскому классику Филиппу Роту, ни прославленному японцу Харуки Мураками, ни тем более сирийскому поэту Адонису...

Уже из года в год крупные мастера пера отодвигаются нобелевским комитетом в угоду или политическим, как было с русофобской журналисткой Алексиевич, или чисто конъюнктурным причинам. Само время показывает этот всё увеличивающийся контраст подлинной литературы и всевозможной поспы. Именно в эти же дни, когда присуждали Нобелевскую рокею за его музыкальные рок-альбомы, умер великий немецкий писатель Гюнтер Грасс, тоже лауреат Нобелевской премии, но за 1999 год. Для литературы несравнимые величины. Вот перевод (Г.Кружков) одной из песен Боба Дилана:

*Сколько дорог должен путник пройти,
Чтобы мужичью стамть?
Сколько морей должен гусь пролететь,
Чтобы до суши домчать?
Сколько должны ещё пушки палить,
Прежде чем мир заключить?
Вслушайся друг в то, что ветер поёт,
Ветер ответ принесёт.
Сколько веков должны горы стоять,
Чтоб раскопаться в песок?
Сколько веков должен жить человек,
Чтоб стать свободным он смог?
Сколько ещё можно не замечать
Ближнего бед и тревог?
Вслушайся друг в то, что ветер поёт,
Ветер ответ принесёт.
Сколько ещё нужно в небо смотреть,
Чтобы звезду различить?
Сколько страданий людских пережить,
Чтоб научиться любить?
Чтоб человека цапать и жалеть,
Сколько скорбей и невзгод?
Вслушайся друг в то, что ветер поёт,
Ветер ответ принесёт.*

"Я не помню, что он за тексты писал. По-моему, его "Дети цветов" как-то прослушивали в своё время. Конечно, ниже падать Нобелевской премии уже некуда. Уже куплетистам дают Нобелевскую премию!" – сказал Эдуард Лимонов. И он прав. Прав и Александр Проханов, тоже осудивший такое размывание литературной премии: "Конечно, Боб Дилан – не тот человек, который произвёл революцию в словесности", – считает писатель. Проханов отметил, что Нобелевская премия по литературе становится всё более экстравагантной и менее литературной: "Это часть шоу-бизнеса, часть некой раздражающей или восхищающей, или удручающей публики процедуры". Он назвал более достойным претендентом на премию японского прозаика Харуки Мураками, которого уже несколько лет прочат в номинанты. "Мне кажется, что японец был бы более подходящим вариантом, потому что там действительно глубокая литература, философия, слог, новая эстетика. А здесь всё больше и больше происходит профанация, профанация мира культуры", – уверен он.

Зато возликовали все певцы и рок-музыканты, от Градского до Макаревича. Пришло их время. А литературу всю – на помойку, в костёр, в туалетные комнаты.

Вот таков печальный итог очередного присуждения Нобелевской премии по литературе.

Глеба Горбовского – русского поэтического гения – с 85-летием! В кругу родных и близких (юбилейная публикация на стр.7)

Беседовала **Маргарита Синкевич**

Маргарита Синкевич: *Духовная сила многих героев ваших произведений, Виктор Иванович, вселяет гордость за наш народ, порождает желание хоть сколько-нибудь приблизиться к этой нравственной высоте, а иногда вызывает и стыд за собственную немощ. Особенно актуально звучат строки из романа "Наш маленький Париж": "Кому понять тоску старого казака, когда он видит на месте войскового храма гнилые чёрные доски?". Если бы сегодня России пришлось пройти испытания, подобные революции, коллективизации, голоду 30-х годов, Великой Отечественной войне, справились бы?*

Виктор Лихоносов: События 1991-1993-го годов показали, что в озлобленности своей, в ненависти друг к другу

"Сопровождается грустью..."

Виктор
ЛИХОНОСОВ

народ не меняется. Как и в семнадцатом году, народ озлобили, натравили друг на друга. Русский народ потерял очень много. Прежде всего, он потерял изумительно наивную, простодушную веру в царя, в Бога, в традиционный уклад жизни. Есть и то, что просто недоказуемо, о чем мне нельзя как-то убедительно сказать. Совершенно ясно, что люди могут быть разными: хорошими и плохими, великими и посредственными. Но какими были, допустим, донские казаки, которых застал Шолохов, когда работал над "Тихим Доном"? Какими были кубанцы до революции? Какими были офицеры? Какими пребывали казаки, которые служили государю, Отечеству? Попробуйте, ответьте на эти вопросы. О домовитости, о сельской рассказывала мне Гликерия Прокофьевна Таран, казачка из станицы Пашковской.

Черты жизни были иными. Даже в житейской суете, хозяйственной торопливости люди были степеннее, достойнее. Над всем был Господь. Утром встали, пошли в церковь, помолпились, пришли, пообедали, перед обедом опять помолпились. А сейчас и в русском кругу среди тех, кто хочет верить в Россию, хочет, чтобы она вернулась, наши милые ребята-писатели не соблюдают этого. Они не знают, что такое помолиться. Когда Владимир Кругин молится, над ним смеются. Вот что изменилось. Когда молились государь с семьей, великие князья, они становились на колени. Представьте себе нынешних губернаторов, падающих на колени... Разве в пасхальное мгновение поцелуется губернатор со своим подчиненным? Начальники в церкви чувствуют себя всякий миг как-то неловко. Как будто они вынужденно уступают Богу в чем-то. Изменилось и многое другое. Изменились лица. Посмотрите на старые фотографии. Изменилось чувство к своей земле. Мне трудно об этом говорить. Но я все чувствую верно.

М.С.: *По мнению Валентина Распутина, главного героя вашего романа "Наш маленький Париж" – Память, по мнению Владимира Бондаренко – Любовь к людям. Как вы можете определить своего главного героя?*

В.Л.: Они слишком обобщают. Главных героев я просто люблю и жалею. Я люблю Толстого, Шкуропатскую, Попсушапку. Я потому и выбрал их и, представляю себе, не расстаюсь с ними тридцать лет спустя. Попсушапку (в романе) я встретил в его древнюю пору – ему было за 90. Он очаровал меня Екатеринодаром, этойкой далекой казкой, чудесным призраком утерянного бытия.

После 1956 года русские казаки вернулись на Родину. Когда один из них принес стихи, редактор журнала (знаменитый кубанский стихоплет) провокационно, почти как работник КГБ, спросил: "Что? "Беленькое" нам принесли?" Казаки понимали, куда приехали. Они были совершенно не похожи на новых, незнакомых им жителей города. Меня, помню, поражали киоскеры: как они подавали газету, щепетильно кляли сдачу, протяжно отвечали на вопросы. Казалось, что они откуда-то спустились к нам. Ну да! Они вернулись домой из Парижа, вернулись туда, где никого уже из заветных екатеринодарцев не было. Жили люди не луч-

ше и, может, не хуже, но... другие. Старозаветная Кубань исчезла. О повседневной старой императорской России мало что имел четкое представление. В печати, в киностарая, великая, чудная Россия, где были понятия о добре, о честности, о порядочности, о благородстве, портилась всеми средствами.

Как-то мы поехали в станицу Северскую, – узнали, что там живёт старик, вернувшийся через полвека из Парижа, году в 72-73-м. Фока Савельевич Гетало, казак станицы Васюринской, был в Белой армии, жена осталась здесь, она отказалась от него. Он вернулся, нашёл её, она не захотела его видеть. И мы заявили к нему. Первое, что меня поразило, – его стол. Не знаю, это французский порядок или старомодный русский порядок, или это порядок человека, который должен был выживать в чужих условиях. И

поразили его руки, ногти, лицо.

Совершенно почему-то холёная, белая-белая кожа. Это кубанец, который пережил не меньше, чем наши здесь. Все было: Гражданская война, голод, выживание в Париже и прочие тяжелые условия, гитлеровская оккупация Франции, экономические трудности... И вот поздний казак перед нами, такой изумительный Фока Савельевич Гетало. Такая старая Россия. Залобуешься им! Речь какая-то мягкая. Хочется пожить с ним рядом. Таким же был герой моего романа Толстопят. Вот почему я и написал роман. Я просто любил этих, как говорил Герцен, "благородных прошедших". Я любил их руки, я любил их речь, интонацию.

В начале 60-х Юрий Павлович Казаков, великий писатель, мой учитель и друг, привез из Парижа магнитофонные "копески" с записями разговоров с писателями русского изгнания – Борисом Константиновичем Зайцевым и Георгием Викторовичем Адамовичем. Божь мой, как они говорили! Это старая русская "допотопная" речь... Другая, напевная интонация. Особенно у Адамовича: петербургская. А мы уже не говорим, а гавкаем.

Изменилась не только Россия, весь мир изменился, даже внешне. В Англии был благородного вида Гарольд Макмиллан. И после этого какой-то Тони Блэр. В Америке был Ричард Никсон, и вспомните плейбоя Клинтона. Очевидно, постепенно исчезала в мире порода. И остатки этой породы очаровывают. Когда я смотрел прощание с Чавесом, я влюбился в Мадуро. Как он прощался! Какой он красивый! Как он говорил! А он всего-навсего был шофером, не с высшим образованием, не колумбийский университет заканчивал. Все это имеет значение для народа. Дело в том, что писатель, вообще человек, иногда восторгается не тем, чем надо. Но светлая душа все равно грязью не восторгается.

Писателю полезна влюбленность. Без этого русский человек, русский писатель не может создавать вдохновенные поэтические произведения. Солженицын проложил тропу такой постоянной ненависти. На самом деле, нужно начинать с восторга. Влюбленность, очарование, сожаление побудили меня написать роман "Наш маленький Париж".

М.С.: *Юрий Селезнёв писал о повестях "Люблю тебя secretly" и "Осень в Тамани": "Перед нами встаёт Отечество в органическом единстве прошлого и настоящего". Тема единства прошлого и настоящего – одна из ведущих и в романе "Наш маленький Париж": каждое слово, каждый поступок, каждое событие герои оценивают в контексте родового памяти, в контексте истории России. Слово "деды", так часто звучащее на страницах произведений, концентрирует в себе эти смыслы. Но потом – пропасть. Почти у всех главных героев нет детей, нет прямых потомков, с родственниками они связи практически не поддерживают. Все их мысли обращены к прошлому, к собственным переживаниям. Получается, они-то теми самими "дедами" ни для кого не стали?*

(окончание на стр.3)

Памяти Арсена Павлова – Моторолы

Письмо первое. Моторола дома

Моторола, в миру Арсен Павлов (именно Арсен, а не Арсений, как пишут в сети) живёт в обычной квартирке в Донецке. На каком-то там этаже – пятом, шестом или седьмом: когда мы в окошко смотрели, я не считал этажи.

Во дворе местные старики играли в домино. Моторола недавно провёл им свет к столи-

Захар
ПРИЛЕПИН

ку, чтоб глаза не портили вечерами. Обычный мирный дворик, и свет горит у играющих доминошников.

Я спрашивал как-то у Моторолы, что он говорит жене, когда уходит на боевые.

– Ничего не говорю, – ответил он. – Просто иду на работу.

Вот теперь я увидел это место, откуда он идёт на работу: обычный, с известным всем запахом лёгкой затхлости, в меру пошарпанный, народный подъезд: железная дверь, в квартире работает телевизор, там идёт какой-то очередной разговор про Англию и Евросоюз (Моторола скептически комментирует: раскричались... видно, что он следит за новостями и в курсе всего).

На стене и в серванте за стеклом фотографии: его дочка, которой едва за годик, его жена Елена, пара его удачных чёрно-белых фоток, свадебная фотография. Моторола весёлый, приветливый, в шортах, босиком, по пояс голый, белокожий, видны следы от нескольких прежних ранений, один глаз – в повязке (поранил – самое удивительное, что на учениях; с многочисленных боевых возвращался зачастую буквально как ёж – в бронежилет и сфере, утыканной десятками осколков, а новое ранение получил, по сути, случайно).

Знаю Моторолу два года, но сам никогда не звоню. Позвонил он.

Говорит: привет, видел тебя (не сказал где,

наверное, где-то в сети). Как твои дела, спросил, и вдруг весело добавил: скучаю по хорошим людям.

– Да я опять в Донецке, – отвечаю я. – А приходи в гости, я пока на больничном, – сказал он.

За мной заехали на джипе его ребята из "Спарты", двое. К стеклу джипа был приделан пропуск, дающий право на круглосуточную езду (в Донецке комендантский час) и ношение оружия (с оружием на улицах в Донецке ходить запрещено).

В джипе играл Баста-Ноггано. – Новые песни? – не узнал я. – Ну.

Письма из Донбасса

Поболтали с водителем (молодой, славный, приветливый парень, воюющий с лета 2014-го) о рпзе: это он, едва появится что-то новое, качает Мотороле 25/17, Рема Диггу, ГРОТ, Типси Типа и вот Басту-Ноггано (псевдоним рэпера Василия Вакуленко).

Вася что-то пел в своей очередной хорошей песне про войну и куда-то там опять летящие пули.

Мы немножко и не очень весело пошутили со "спартанцами" на тему того, что Баста-Ноггано "милитаристский" тематики не чужд, однако в Донецк с концертом не приедет, судя по всему, никогда. Я спросил у бойцов, как Моторола относится к политическим убеждениям тех, кого слушает. "Спартанский" водитель ответил в том смысле, что это определяющего значения в целом не имеет: хотя то, что Дигга сюда приезжает и поёт, – это радует всех, с Моторолой они приятели, и вообще Дигга – красавца.

(Рэм Дигга – это такой популярный рэпер из Ростовской области с очень своеобразной и скоростной манерой чтения; автор отличной песни "Уходит караван на юг", имеющей явные аллюзии к донбасской войне.)

Второй "спартанец" был немногословен; он довёл меня до квартиры, по рации связался с Моторолой:

– Командир, открой дверь! Моторола открыл, предложил бойцу тоже

зайти, посидеть, поговорить, но тот очень тактично отказался.

Я принёс всякие игрушки и сладости его дочке, бутылку коньяка (в прошлый раз я выпил у Моторолы три бутылки коньяка на пару с военкором Поддубным, решил хотя бы отчасти компенсировать нанесённый урон) и две бутылки вина; причём сразу предупредил, что одну выпью сам (вчера засиделись до утра с хорошим собеседником, ну и... я испытывал некоторую потребность).

Моторола несколько раз предложил поехать, я отказался. Он принёс мне высокий крепкий стакан, а себе кружку чая.

Я принёс всякие игрушки и сладости его дочке, бутылку коньяка (в прошлый раз я выпил у Моторолы три бутылки коньяка на пару с военкором Поддубным, решил хотя бы отчасти компенсировать нанесённый урон) и две бутылки вина; причём сразу предупредил, что одну выпью сам (вчера засиделись до утра с хорошим собеседником, ну и... я испытывал некоторую потребность).

Моторола несколько раз предложил поехать, я отказался. Он принёс мне высокий крепкий стакан, а себе кружку чая.

Моторола несколько раз предложил поехать, я отказался. Он принёс мне высокий крепкий стакан, а себе кружку чая.

Моторола несколько раз предложил поехать, я отказался. Он принёс мне высокий крепкий стакан, а себе кружку чая.

Моторола несколько раз предложил поехать, я отказался. Он принёс мне высокий крепкий стакан, а себе кружку чая.

Моторола несколько раз предложил поехать, я отказался. Он принёс мне высокий крепкий стакан, а себе кружку чая.

И совсем небольшая кухонька, вход в которую загорожен большим мягким пуфиком, чтоб годовалая дочка не проползала туда и не извлекала посуду из шкафов.

На кухне небольшая аквариум. – Одиннадцать рыбок, пять раков, три улитки, – говорит Моторола. – Недавно купил. Теперь смотрю на них.

Насыпает им корм. Раки начинают суетиться, посекундно сшибая улитку, и бешено работать своими челюстями.

Мельчайший корм едва виден. Иногда кажется, что раки работают челюстями попусту.

– Представление о том, что раки движутся только назад, оказалось не совсем справедливым, – смеётся Арсен: рачки действительно лезут вперёд.

Поговорили про его глас: там есть некоторые проблемы с лечением. Моторола, впрочем, и на всю эту историю реагирует с неизменным юмором.

– Пока только одно волнует: один глаз поранил и теперь, если что, резерва нет, – глядя на меня единственным на этот момент глазом, говорит он.

Моторола неожиданно цветисто рассказывает о своих ощущениях:

– Ты не представляешь, какие фантастические процессы в голове происходят, когда смотришь на мир только одним глазом: сознание перестраивается и начинает само дорисовывать вторую, невидимую половину действительности... Очень интересно жить. Но иногда стрёмно: идёшь – и вдруг резко возникает ощущение, что перед тобой стоит столб. А столба нет.

Потом забавно рассказывает, как после очередной контузии потерял способность к чтению: слова рассыпались, и чтобы понять их, приходилось пять раз перечитывать фразу – одно слово никак не лепилось к другому; но когда произошла ещё одна контузия, случился обратный процесс: всё встало на свои места.

– Только одним глазом читать неудобно, устаешь, конечно.

– У тебя сколько вообще ранений? – спрашиваю его.

Он задумывается. – Если считать полученные здесь в ходе бое-

вых действий, то шесть.

Самое заметное: на левом локте сшитое врозоченное мясо: сработал украинский пулеметчик в аэропорту. Моторола впроброс, ни на чём не акцентируясь, рассказывает, как вёл группу на штурм в одном из коридоров донецкого аэропорта.

"Пулеметчик мгновенно перестроился на нас", – с некоторым, как кажется, даже уважением говорит Моторола (пулеметчик стрелял в другую сторону, куда привлекали его огни).

Рассказывает, как сам вколол себе обезболивающее.

Но потом всё равно голова поплыла: рука была – всё мясо наружу.

– Мне вчера один твой боец рассказывал, как в аэропорту взяли пулеметчика в плен... И тот борзо себя вёл, – говорю я. – Не тот?

Моторола секунду смотрит на меня. Потом отрицательно машет головой: нет.

Нет, не этот. Этот так себя не вёл. Никогда. Немного подумав, Арсен со смехом вспомнил ещё пару коротких историй на те же темы: как после этого ранения, едва подлечившись, в очередной раз вёл группу и у него отказала левая раненая рука, и в какой-то момент боя он не смог стрелять. Просто отказала, и всё.

Ну, кто может даже отдалённо вообразить себе эту ситуацию, может понять, каково это.

В другой раз, сразу после тяжёлого ранения в лопатку, приезжал к Мотороле в гости Иван Ох-лобыстин, он в тот раз шубу подарил его жене.

– Вёшь на уколах, ничего не понимаю, но делаю вид, что всё понимаю и мне не больно, – смеётся Арсен.

Мы обсудили всякие последние новости; я вдруг увидел в шкафу фотоальбомы: дай зазырнуть, говорю.

Альбомы оказались армейские. – Ты всё из дома сюда перевёз? – спросил я. Моторола как-то уклончиво ответил, что привёз всё самое главное.

Молодой Моторола – совершенный подросток, на некоторых фотографиях вид лет на 14, при этом видно, что это очень зазорный, очень уверенный в себе боевой тип.

Мы разглядываем, посмеиваясь, фотки, Моторола весело, по-простому, комментирует:

(окончание на стр.4)